

„Иностранецъ, житель какого-нибудь отдаленнаго края, еслибы захотѣлъ составить себѣ понятіе объ европейскихъ нравахъ на основаніи состоянія наукъ, совершенства нашего искусства, приличія нашихъ зрѣлицъ, вѣжливости нашихъ манеръ, любезности нашихъ рѣчей, постоянныхъ проявленій доброжелательства и стеченія толпы людей всѣхъ возрастовъ и состояній, которые повидимому съ восхода до заката солнца спѣшатъ взаимно услужить другъ другу,—такой иностранецъ сдѣлалъ бы о нашихъ нравахъ догадку прямо противоположную дѣйствительности“.

„Гдѣ нѣтъ дѣйствія, тамъ не зачѣмъ искать и причины, но здѣсь дѣйствіе несомнѣнно и упадокъ налицо, души наши развращались по мѣрѣ того, какъ наши науки и искусства двигались къ совершенству“.

„Ежедневныя повышенія и пониженія водъ океана не болѣе правильно связаны съ теченіемъ ночнаго свѣтила, чѣмъ судьба нравовъ и честности съ успѣхомъ наукъ и искусствъ. Добродѣтель видимо бѣжала по мѣрѣ того какъ свѣтъ ихъ возрасталъ надъ нашимъ горизонтомъ, и то же явленіе замѣчалось всегда и вездѣ“.

„Есть древнее преданіе, перешедшее изъ Египта въ Грецію, что богъ, враждебный спокойствію людей, избрѣлъ науки. Какое же мнѣніе должны были имѣть о нихъ сами Египтяне, у которыхъ онѣ ро-